

Виктор Шендерович
ДВА АНГЕЛА, ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА*
Комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пашкин Иван Андреевич, человек

Некто Стронцилов.

Нотариус

Врач

Санитар

Ликвидатор

Первый акт.

Ночная квартира. Пашкин лежит на кровати, на груди клавиатура компьютера, курит, шарит по интернету; вдруг присвистывает. Снимает трубку, набирает номер.

ПАШКИН. Леха! Ты корм уже взял? Собачий, «какой» - ты спишь, что ли? На том свете выпишься! Сам ты дурак. И баран к тому же. Ты корм взял? Вот и баран. Договорился или бабки отдал? И не отдавай. Потому что я нашел по восемьдесят пять центов - и их склад! В интернете, где. А ты где нашел? Темный ты, Леха. Конкретный валенок! Третье тысячелетие, а ты газеты читаешь. Забудь! У кого сайта нет, того, считай, вообще не существует. А так! Завтра даешь им отбой. Конец связи. Спи!

Вешает трубку, встает, бредет в кухню; наливает чай. В это время и раздается нежный звонок в дверь.

ПАШКИН (подойдя к двери). Кто?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ (жарким шепотом). Я.

ПАШКИН. Танька, ты, что ль?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ. Я. Открывай.

Жилец открывает дверь. За дверью стоит мужчина в строгой одежде, в шляпе.

МУЖЧИНА. Пашкин Иван Андреевич?

ПАШКИН. Да.

МУЖЧИНА (поет из «Пиковой дамы»). «Не пугайтесь, ради бога, не пугайтесь...» (Снимая шляпу). Стронцилов Агриппа Семенович. Не советую.

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Попытаться закрыть дверь. Я войду? (Отодвигает Пашкина, проходит в квартиру и останавливается, осматриваясь). Так. Примерно то, что я и предполагал.

ПАШКИН. Э! Что за дела?

СТРОНЦИЛЛОВ. Дела серьезные. Уж мне можете поверить.

ПАШКИН (неуверенно). А ну давай отсюда.

СТРОНЦИЛЛОВ (отсмеявшись вполне искренне). Смешно.

ПАШКИН. Вы кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. Я скажу, скажу. Не все сразу.

ПАШКИН. Я сейчас вызову милицию!

СТРОНЦИЛЛОВ. Господи! Везде одно и то же... У вас пятьдесят первое отделение?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ (*садясь на стул*). 165-01-18. Дежурный сегодня – старший лейтенант Кожухов. Не стесняйтесь, прошу вас.

ПАШКИН (*с трубкой в руках*). Я звоню.

СТРОНЦИЛЛОВ. Я вижу.

ПАШКИН. В чем дело?

СТРОНЦИЛЛОВ. Перепись населения.

ПАШКИН. Какая перепись?

СТРОНЦИЛЛОВ. Практически всеобщая. Учет, контроль. Статистика...

ПАШКИН. Какая статистика? Ночь!

СТРОНЦИЛЛОВ. Самое время. Вы сядьте... (*Вдруг, резко*). Сядьте!

Пашкин садится.

СТРОНЦИЛЛОВ. И трубочку положите. Себя же задерживаем, гражданин. Ну вот, другой разговор. Начнем. Значит...

Стронциллов одним пальцем нажимает клавишу на клавиатуре компьютера, и на экране загорается фотография Пашкина и его анкетные данные...

СТРОНЦИЛЛОВ. .... Пашкин Иван Андреевич? На меня посмотрите, пожалуйста. (*Строго*). На меня, говорю, посмотрите! Ага. Отлично. А то, бывает, человек давно переехал, а мы вместо него - другого... Непорядок. Ну что же, приступим...

Щелкает мышью, и из принтера начинают лезть распечатанные листы бумаги.

ПАШКИН (*установившись на экран*). Что это?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это - наш сайт. (*Забирает первые несколько листов из принтера*). Так! родились вы, стало быть, в Москве, 6 мая 1954 года... Хороший был денек, да?

ПАШКИН. Я не помню.

СТРОНЦИЛЛОВ. Бром надо пить, для памяти. Хороший был день, можно сказать, прекрасный: солнечный, плюс двадцать, по области до двадцати трех, ветер юго-восточный, умеренный. Ну, ладно. (*Пишет*). Значит, одна тысяча девятьсот пятьдесят четыре – (*стучит по клавиатуре*) - тире... Сейчас какой год?

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Какой у нас сейчас год?

ПАШКИН. Две тысячи... А почему тире? Не надо тире!

СТРОНЦИЛЛОВ. Что вы так испугались?

ПАШКИН. Ничего я не испугался! Не надо тире!

СТРОНЦИЛЛОВ. А запятую можно?

ПАШКИН. А что после запятой? Что вы хотите написать?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не волнуйтесь так. Ничего особенного не напишу. В общем, как у всех.

ПАШКИН. Это не перепись.

Пауза.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну да. Некоторые, действительно, догадываются сами. А ведь есть такие, которым и за ночь не растолкуешь. Вы уж простите мне этот спектакль. Инструкция. Они там (*указывает наверх*) требуют подготавливать человека, примирять его сознание постепенно... А я считаю, ложь унижает. Правда?

ПАШКИН (*автоматически*). Правда.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вот и славно. Тем более – что за нее цепляться, за жизнь? Такая гадость. Значит, на чем мы остановились? Годы жизни. Одна тысяча девятьсот пятьдесят четвертый...

ПАШКИН. Нет! Не пишите ничего! Пожалуйста!

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну вот, опять.

ПАШКИН. Вы шутите. Это шутка!

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич, я все-таки не понял - что мы с вами решили? Будем по инструкции подготавливать сознание... до второго пришествия - или приступим? (*Пауза*). Приступим. Для начала - необходимые формальности... Фамилия, имя, отчество, адрес, годы жизни... (*вписывает*) – готово... Вероисповедание?

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. В бога верите? Если да, укажите, в какого, сколько лет...

ПАШКИН. Я верю.

СТРОНЦИЛЛОВ (*терпеливо*). В какого, сколько лет...

ПАШКИН. В Христа. Недавно.

СТРОНЦИЛЛОВ. Католицизм, протестантизм, ортодоксальная церковь, адвентизм?

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич, давайте как-то соберемся. У меня опросный лист на сорок пунктов – эдак мы до утра не закончим, а вы не один.

ПАШКИН. Послушайте... Простите, я забыл, как вас зовут.

СТРОНЦИЛЛОВ. У меня нет имени.

ПАШКИН. А вот вы говорили...

СТРОНЦИЛЛОВ. Я шутил.

ПАШКИН. Как же мне к вам обращаться?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не надо вам ко мне обращаться. Отвечайте на вопросы – и всё.

ПАШКИН. Давайте поговорим.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не вижу предмета для разговора.

ПАШКИН. Но ведь речь идет о моей жизни!

СТРОНЦИЛЛОВ. Жизнь ваша, Иван Андреевич, тут уже не причем. Это было ваше личное дело, как жить; мы не вмешивались - хотя, не скрою, от увиденного не в восторге. Кто в 65-м году украл блок марок?

ПАШКИН. Блок марок?

СТРОНЦИЛЛОВ. У Пети Коняева, в Трехпрудном переулке, на дне рождения, с открытой полки.

ПАШКИН. О Господи!

СТРОНЦИЛЛОВ. Господь не крал марок, Иван Андреевич. Это вы ерунду говорите. Марки украли вы. Да? *(Пашкин кивает)*. Да. Красивые были, серия «Вооруженные силы СССР», если я не ошибаюсь... Я не ошибаюсь?

ПАШКИН. Нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Восемь штук, с зубчиками. А похвастаться перед одноклассниками нельзя. Тоска... Но, я думаю, это ведь мелочи, правда? Босоногое детство? *(Пашкин кивает)*. А кто настучал старшине Зуеву на товарища по взводу? В учебке, в 73-м? Кто сказал этой скотине, что курсант Кондратьев *(берет очередные листы из принтера, читает)* «критическими высказываниями подрывает обороноспособность подразделения»?

ПАШКИН. Не я.

СТРОНЦИЛЛОВ. Что?

ПАШКИН. Я.

СТРОНЦИЛЛОВ. Никогда не врите мне больше.

ПАШКИН. Я заблуждался. Но я осознал.

СТРОНЦИЛЛОВ. А-а, ну понятно: вы самосовершенствовались. *(Пашкин кивает)*. Росли над собой. *(Пашкин кивает)*. Работа души? *(Пашкин неопределенно кривится)*. А кто подсиживал товарищей по работе? Кто устраивал частную лавочку из госфондов? Кто в 81-м году сделал ребенка гражданке Антиповой и запугал эту дуру, чтобы денег не платить? Кто всемерно одобрял и поддерживал политику партии и правительства?

ПАШКИН. Это все делали.

СТРОНЦИЛЛОВ. И каждый ответит за себя!

ПАШКИН. А Антипову я чего-то не помню... *(Встречает глаза Стронциллова)*. Вспомнил.

СТРОНЦИЛЛОВ. Дрянь вы, Иван Андреевич.

ПАШКИН. Дрянь. Ничтожество!

СТРОНЦИЛЛОВ. Вы обманывали женщин, детей и целые коллективы трудящихся.

ПАШКИН. Да, да! Я жил в грехе, вы еще не все знаете...

СТРОНЦИЛЛОВ. На это - даже не надейтесь. И так...

ПАШКИН. Стыд, стыд! Иногда просыпаешься среди ночи и думаешь: Господи, как я жил, что делал?

СТРОНЦИЛЛОВ. И что отвечает Господь?

ПАШКИН. Он простит меня! Простит! *(Истово крестится)*. Господи! Виноват! Исправлюсь!

СТРОНЦИЛЛОВ. Куда вы всей пятерней-то?

ПАШКИН. А что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Пальцев сколько должно быть?

ПАШКИН. Где?

СТРОНЦИЛЛОВ. В кресте! *(Пауза)*. Иван Андреевич! Прошу вас отныне не упоминать более имени Господа. Вам недолго осталось, потерпите.

ПАШКИН. Не говорите так! Пожалуйста...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну что же. С вероисповеданием в общих чертах ясно – идем дальше.

ПАШКИН. Не надо дальше! Помогите мне! Я хочу очиститься!

СТРОНЦИЛЛОВ. Ваши желания совпадают с нашими возможностями. Чистилище ждет вас.

ПАШКИН. Кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. Да вы, Иван Андреевич, Данта не читали.

ПАШКИН. Не читал. А у вас есть? Я прочитаю - верну!

СТРОНЦИЛЛОВ. Давайте вернемся к опросному листу.

Забирает из принтера оставшиеся листы, аккуратно складывает их и прищелкивает держателем для бумаг.

СТРОНЦИЛЛОВ. Семейное положение: разведен; имеется сын. Так?

ПАШКИН. Так.

СТРОНЦИЛЛОВ (*изучая бумаги*). Алименты вы платили маленькие, Иван Андреевич, правда? Утаивали доходы. Собственного сына обворовывали. Просто чудо, что вы за человек... были.

ПАШКИН. Не говорите так! Пожалуйста!

СТРОНЦИЛЛОВ. Тише, вы...

ПАШКИН. Дайте мне шанс. Я хочу исправиться, я хочу приносить пользу людям.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не морочьте мне голову! Вы хотите жить. Просто – жить! Жрать, пить, трахаться с соседкой и смотреть футбол. Нет?

ПАШКИН. Да. Грешен...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ничего не грешен! Все этого хотят. Только не надо мне про пользу людям, я зверею от этого. У вас коньяк есть?

ПАШКИН. Коньячок-то? Господи, да... (*Осекается под взглядом Стронциллова*). Есть. Найдем! (*Роется в холодильнике*). Вот. Только армянский. Годится? Или я сбегая за французским? У нас внизу круглосуточный...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сидеть! (*Пашкин садится*). Давайте армянский.

ПАШКИН. Он хороший, пять звезд. А закусить? Сыр есть, я щас мигом нарежу...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сядьте вы. Сядьте!

Пауза. Стронциллов наливает обоим.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, со свиданьицем.

ПАШКИН (*осторожно*). Будем здоровы.

Пьют.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не хочется, значит... со мною?

ПАШКИН. Не хочется.

СТРОНЦИЛЛОВ. Зря. Там любопытно.

ПАШКИН. Где?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вообще. За пределом.

ПАШКИН. Расскажите.

СТРОНЦИЛЛОВ. Сами увидите.

Пашкин наливает себе стакан коньяка и выпивает.

СТРОНЦИЛЛОВ. Здоровье вы не бережете, Иван Андреевич. А впрочем, что уж теперь...

Пашкин начинает тихонечко выть.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, ну... Что вы, как маленький.

ПАШКИН. Почему я?

СТРОНЦИЛЛОВ. Что?

ПАШКИН. Почему - меня?

СТРОНЦИЛЛОВ. Станный вопрос. И даже глупый, пожалуй. Нипочему. Компьютер выбросил ваш номер, вот и всё. Божья Воля.

ПАШКИН. Это нечестно. Вон, старики живут, бабки... Вон их сколько, ползают у подъезда, бери любую...

СТРОНЦИЛЛОВ. Невозможно. Есть квоты на поколения. Компьютер выбрал вас – значит, пора. Бояться не надо.

ПАШКИН. Что со мною будет?

СТРОНЦИЛЛОВ. Англичане называют это: присоединиться к большинству. Одним словом, с вами будет то же, что со всеми. После завершения необходимых формальностей здесь появится ангел-ликвидатор. Существо неприятное, но квалифицированное. Будет больно, но недолго. Потом тело ваше останется здесь, а душу он заберет с собой.

ПАШКИН. А я? Где буду я?

СТРОНЦИЛЛОВ. Как вам сказать... Чувства ваши исчезнут. Время застынет эдаким студнем, пространство съжжется до нейтрона...

ПАШКИН. А нейтрон - это сколько?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это, Иван Андреевич, практически с гулькин хер. И там, внутри, будете вы - в виде некоторой субстанции. Представили?

ПАШКИН. Нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Уж и не знаю, как вам доступнее объяснить.

ПАШКИН. Но я буду? Я - где-то – буду?

СТРОНЦИЛЛОВ. Как файл – в сжатом виде. Теперь ясно?

ПАШКИН. Не очень. А скажите, вообще: с компьютером этим... с Божьей Волей... нельзя что-нибудь сделать?

СТРОНЦИЛЛОВ. А зачем?

ПАШКИН. Вам незачем, а мне бы хотелось...

СТРОНЦИЛЛОВ. Что: так охота – здесь? В этой нравственной грязи?

ПАШКИН. Да. Очень.

СТРОНЦИЛЛОВ. С Божьей Волей ничего сделать нельзя.

ПАШКИН. Но попробовать-то можно? Один разик.

СТРОНЦИЛЛОВ. Интересно, и кого же вы предлагаете изъять вместо себя?

ПАШКИН. Господи!.. Да хоть кого.

СТРОНЦИЛЛОВ. Конкретнее.

ПАШКИН. Да вон же, говорю, бабульки! Они еще при царизме родились, у них чувства исчезли давно, вы придете - они и не заметят...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сейчас все брошу и пойду искать бабулек.

ПАШКИН. Хорошо! Чтобы далеко не ходить, возьмите вот этого... из сто второй.

СТРОНЦИЛЛОВ. Почему его?

ПАШКИН. А почему нет? Такая тварь. Живет не прописанный, баб водит каждый вечер, черте чего из-за стенки слышно. Три года сидел, а как освободился, родную тетку выселил в Мытищи...

СТРОНЦИЛЛОВ. Как звать?

ПАШКИН. Толиком.

СТРОНЦИЛЛОВ. Мне фамилия нужна. И данные.

ПАШКИН. Это – момент. *(Снимает трубку, начинает набирать номер)*. Что у него на конце?

СТРОНЦИЛЛОВ. Вам виднее.

Пашкин угодливо смеется и набирает последнюю цифру.

ПАШКИН. Алло! Анатолий? Простите, что поздно звоню - это из сто третьей, сосед ваш. Анатолий... ой, простите, я даже фамилии вашей не знаю... *(Пишет рукой в воздухе, и Стронцилов, поняв, отдает ему ручку)*. Ага! А по отчеству? Вот спасибо. *(Записывает)*. Анатолий Петрович, тут такое дело... У вас день рождения - когда? Понял. Не юбилей, случайно? А сколько? Вот и ладушки. Угадали: подарок хочу сделать. Почему ночью? А вот, поверите, не мог уснуть – как бы, думаю, не пропустить, поздравить соседа... Спокойной ночи! *(Вешает трубку)*. Только группу крови не сказал.

СТРОНЦИЛЛОВ. А не жалко его?

ПАШКИН. Толика? Ну, жалко, а что делать?

СТРОНЦИЛЛОВ. Понятно. Угу... *(Раздумывает)*. Еще варианты есть?

ПАШКИН. В смысле, на убийство?

СТРОНЦИЛЛОВ. Да.

ПАШКИН. В этом доме?

СТРОНЦИЛЛОВ. Желательно.

ПАШКИН. Из сто тридцать пятой. Имени не знаю, знаю номер машины. «Жигуль», под окном стоит, и каждую ночь – сигнализация! Иногда несколько раз за ночь. Ветер на нее подует или птичка покакает, и сразу: уи-и-и, уи-и-и... энь-энь-энь-энь... а-а-а-А, а-а-а-А! А у самого - окна на другую сторону, и спит, сволочь!

СТРОНЦИЛЛОВ. За это, конечно, надо убивать.

ПАШКИН. Нет, ну, зачем убивать. Но если все равно кого-то полагается - на убийство, то... Только хорошо бы – вместе с машиной.

СТРОНЦИЛЛОВ. Прекрасный план!

ПАШКИН. Нет, правда? *(Пауза)*.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вы и дрянь...

ПАШКИН. Нет!

СТРОНЦИЛЛОВ. Дрянь! Тварь мелкая! Одного дня нельзя такого терпеть на Земле!

ПАШКИН *(бухаясь на колени)*. Простите меня! Простите! Я не хотел!

СТРОНЦИЛЛОВ. Встать! Сидеть!

Пашкин отползает и садится. Стронцилов расчищает место на столе и снова берет листы.

СТРОНЦИЛЛОВ. Пашкин Иван Андреевич. Годы жизни... Вероисповедание... Краткая биография... Ненавижу!

ПАШКИН. За что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Я – не вас. Вы - частный случай... Я человечество ненавижу.

ПАШКИН. Вообще, да. Вообще мы тут, конечно... Выпьем?

Стронцилов кивает после паузы. Пашкин наливает в два стакана – и немедленно выпивает свой.

СТРОНЦИЛЛОВ. Как вы за жизнь цепляетесь, Иван Андреевич, неловко смотреть.

ПАШКИН. Да... Вам чего... Вы ж, небось, бессмертный.

СТРОНЦИЛЛОВ. А вот не в свое дело вы не лезьте! Бессмертный. Временно.

ПАШКИН. Как это?

Стронциллов выпивает свой стакан. Некоторое время после этого они рассматривают друг друга.

ПАШКИН. Слушайте, вы кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. Спокойно! Я ангел.

ПАШКИН. А крылья? Где крылья?

СТРОНЦИЛЛОВ. Отпали в процессе эволюции. Я ангел-наместник по Восточному административному округу Москвы. Курирую таких вот, как ты, моральных уродов.

ПАШКИН. Дать бы тебе в рыло напоследок.

СТРОНЦИЛЛОВ. Дурак ты... «Напоследок». У тебя, может, все только начинается. А перспективы – неясные. Такие неясные, что не приведи Господи... Тебе меня любить надо, а не в рыло. Я тебе пригодиться могу.

ПАШКИН. Говори... те.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ишь ты, какой шустрый. Проехали! *(Закусывает)*. А квартира у вас ничего. И планировочка улучшенная... Сколько квадратов?

ПАШКИН. Сто двадцать пять.

СТРОНЦИЛЛОВ. И почему метр?

ПАШКИН. А что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ничего, так... Интересно, откуда столько денег у бывших строителей коммунизма.

ПАШКИН. Заработал.

СТРОНЦИЛЛОВ. В процессе приватизации Родины?

ПАШКИН. Коммунизма все равно не получалось.

СТРОНЦИЛЛОВ. Коммунизм... Вы воду за собой спускать научитесь сначала. Что молчишь?

ПАШКИН. Так...

СТРОНЦИЛЛОВ. Выпьем?

ПАШКИН. Выпьем.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну... Понеслась душа в рай?

ПАШКИН. За то, чтоб не в последний.

Выпивают.

ПАШКИН. Расскажите: что – там?

СТРОНЦИЛЛОВ. Вообще интересуетесь, Иван Андреевич – или, как всегда, хлопчете конкретно насчет себя?

ПАШКИН. Насчет себя.

СТРОНЦИЛЛОВ. Молодец. Не соврал. *(Вздыхает)*. Насчет вас – не скрою, вопрос в первой инстанции решен отрицательно. Перспективы, как я уже сказал, неясные.

ПАШКИН. Что это значит?

СТРОНЦИЛЛОВ. Будут рассматривать персональное дело. Взвешивать все «за» и «против».

ПАШКИН. Кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. А?

ПАШКИН. Кто будет взвешивать?

СТРОНЦИЛЛОВ. Там есть кому. Ну, и решат. Если решение первой инстанции подтвердится, душа ваша поступит в отдел исполнения. У вас, конечно, будет право кассации, но на этом этапе лично я вам помочь уже не смогу.

ПАШКИН. А до этого?

СТРОНЦИЛЛОВ. Что?

ПАШКИН. До этого – сможете?

СТРОНЦИЛЛОВ. В принципе всё это вообще не моё дело. Я, видите ли, технический работник: пришел, оформил документы, вызвал ликвидатора, передал душу по инстанции... Но, чисто теоретически, возможности, конечно, есть.

ПАШКИН. Я прошу вас...

СТРОНЦИЛЛОВ. Я же сказал: чисто теоретически! А вас, насколько я понимаю, интересует практика?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Практика в вашем случае такая, что помочь очень сложно. Защите практически не за что зацепиться. Даже луковки нет.

ПАШКИН. Кого?

СТРОНЦИЛЛОВ. Луковки.

ПАШКИН. У меня внизу круглосуточный...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сядьте! Что ж вы, и Достоевского не читали?

ПАШКИН. Расскажите про Достоевского и про луковку.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну... Жила одна баба, злющая-презлющая. И померла. И поволокли ее черти в ад. А ангел ее хранитель, озадаченный, стоит и думает: как бы душу ее спасти? Подумал - и говорит... *(Вздыхает, глядя на Пашкина)*.

Поздно пить боржом.

ПАШКИН. Так и сказал?

СТРОНЦИЛЛОВ. Вот так и сказал. Ладно! Давайте лучше пофантазируем... пока время терпит. Вы - не торопитесь?

ПАШКИН. Нет-нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Тогда... *(Наливает)*. Ну? Погнали наши городских?

ПАШКИН. За мир во всем мире.

Пьют.

СТРОНЦИЛЛОВ. Значит, Пашкин Иван Андреевич...

ПАШКИН *(тактично)*. Вы хотели пофантазировать.

СТРОНЦИЛЛОВ. Да. Представьте себя ангела, Иван Андреевич. Рядового ангела, вроде меня. Представили?

ПАШКИН. В общих чертах.

СТРОНЦИЛЛОВ. А конкретней и не надо. И вот он мотается по белу свету столетия напролет, исполняя Волю Божью. А Воля Божья - это такая штука, что увидеть – не приведи Господи. То есть, может, первоначально внутри была какая-то высшая логика, но в процессе сюжета всё расплозлось в клочья и пошло на самотек. Вы же сами видите. Убожество и мерзость. Твари смердящие в полном шоколаде, праведники в нищете. Дети умирают почем зря. Смертоубийство за копейку; за большие деньги – массовые убийства. Или война за идею – тогда вообще никого в живых не остаётся. И на всё это, как понимаете, Воля Божья... Хорошо ли это?

ПАШКИН. Не знаю.

СТРОНЦИЛЛОВ. А вы не бойтесь, Он не слышит.

ПАШКИН. Как это?

СТРОНЦИЛЛОВ. А так – не слышит. Вы Всевышнего с гэбухой своей не путайте. Он прослушкой не занимается. И потом, это раньше: Каин, Авель, Авраам, Исаак – и все под контролем. А теперь вас тут шесть миллиардов, поди уследи.

ПАШКИН. За мной – уследили.

СТРОНЦИЛЛОВ. Так я же и уследил. Выборочное подключение к линии жизни. А сам Господь давно ничего не делает. Он свое - сделал. Энтузиазм прошел; в человечестве разочаровался так, что и передать невозможно. Не в коня, говорит, корм. Прав?

ПАШКИН. Не знаю. Наверное...

СТРОНЦИЛЛОВ. Вот то-то. Брат на брата идет, страха истинного нет, руки заточены под воровство, двоемыслие ужасающее... А кто без двоемыслия – те вообще от конца света в двух шагах. Фанатиков как саранчи. А Он активистов на дух не переносит. Что ортодоксы, что фундаменталисты... одна цена. Инквизиция – тоже молодцы ребята, пол-Европы изжарили во имя отца и сына.

ПАШКИН. Что же он не вмешивается?

СТРОНЦИЛЛОВ. Он не милиция, чтобы вмешиваться! Он хотел одушевить материю – а дальше чтобы она сама... А материя из рук вырвалась. Он сказал: плодитесь и размножайтесь, а кто размножается быстрее всех, знаете? То-то и оно. Крысы и бациллярная палочка. А вы руки перед едой не моете.

ПАШКИН. Я сейчас...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сидеть!

ПАШКИН. Сижу.

СТРОНЦИЛЛОВ. После знаменитой европейской чумы 1348 года Господь и захандрил по-настоящему. Сломался старик. Потом дарвинизм пошел – а Он уж сквозь пальцы на это... пускай, говорит, живут, как хотят... А после первой мировой вообще забил на всё. И то сказать: до иприта и Хиросимы Господь додуматься не смог, это уж вы сами... (Стучит Пашкину пальцем по голове). Развилась материя...

ПАШКИН. Хиросима – это не мы.

СТРОНЦИЛЛОВ. А кто?

ПАШКИН. Это американцы!

СТРОНЦИЛЛОВ. Пашкин! Господь таких подробностей не различает. Хиросима, Освенцим, Беломорканал – вам борьба за мир, а ему одна тоска. Огорчился Он, рефлексировать начал, как последний интеллигент, дела забросил. Атеистическую литературу читает, мазохист. В тоске насчет содеянного сильнейшей... Хотел, говорит, как лучше...

ПАШКИН. Кому говорит?

СТРОНЦИЛЛОВ. В том-то и дело – кому. Да кто Ему потом отвечает... Святых набежало ото всех конфессий, отрезали Всевышнего от рядовых ангелов; все подходы перекрыли, между собой за ухо Господне воют. Молитвы идут со всех сторон, сами понимаете, взаимоуничтожающие... отсюда на иврите, оттуда на арабском - прошу представить обстановочку. Лоббирование идет в открытую: то харе кришна, а то и аллах акбар. Короче, бардак такой, что ни в сказке сказать. И вот этот ангел...

ПАШКИН. Какой?

СТРОНЦИЛЛОВ. О котором мы с вами фантазируем. Однажды он решает пробиться к Господу и рассказать ему всю правду... с примерами из жизни. Чтобы второе дыхание Всевышнему открыть. Чтобы снова Божья Воля была, а не дрязги межконфессиональные! Чтобы единым камертоном сферы небесные настроить - и человечество в чувство привести. Понимаете?

ПАШКИН. Типа - чтобы порядок был.

СТРОНЦИЛЛОВ. Типа того.

ПАШКИН. И что, получилось... пробиться?

СТРОНЦИЛЛОВ. Получилось.

ПАШКИН. Вы видели Господа?

Пауза.

СТРОНЦИЛЛОВ. При чем тут я?

ПАШКИН. Так ведь...

СТРОНЦИЛЛОВ. Молчать! Ишь, губу раззявил.

ПАШКИН. Так ведь интересно.

СТРОНЦИЛЛОВ. Плевать я хотел на ваш интерес, Пашкин! Ваш интерес я более или менее представляю. Ада вы боитесь.

ПАШКИН. Боюсь.

СТРОНЦИЛЛОВ. Правильно делаете. Рассказать вам про ад, с картинками?

ПАШКИН. Не надо. Лучше давайте еще - про ангела...

СТРОНЦИЛЛОВ. Не ваше дело.

ПАШКИН. Хорошо. Тогда давайте про меня. Вы говорили – вроде есть возможности...

СТРОНЦИЛЛОВ. Говорил.

ПАШКИН. Так, может...

СТРОНЦИЛЛОВ. Может, может. Не суетитесь, Иван Андреевич. Договоримся. Зря я, что ли, битый час политинформацию вам делаю...

ПАШКИН. Спасибо! Вы мне с самого начала понравились.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вы субъект! *(Смеется).*

ПАШКИН *(с готовностью подхихикивая)*. А то! *(Тянется к бутылке)*. Еще?

Но бутылка уже пуста. Пашкин ставит ее под стол и лезет в холодильник.

ПАШКИН. Шампанского?

СТРОНЦИЛЛОВ. Мне - чуть-чуть.

ПАШКИН. Залакировать... *(Наливает два стакана, доверительно)*. Давайте - за дружбу!

СТРОНЦИЛЛОВ. Между нами, что ли?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не чокаясь.

Пьет. Включает радио, и в эфир врывается бодрое...

- Не надо печалиться, вся жизнь впереди, вся жизнь впереди, надейся и жди!

ПАШКИН. Выключите это! Пожалуйста.

СТРОНЦИЛЛОВ. Извините.

Стронциллов выключает радио. Пауза.

ПАШКИН. Расскажите мне...

СТРОНЦИЛЛОВ. Про условия содержания? Вот! - взрослый разговор, другое дело. Рассказываю. Решением первой инстанции вам было предписано смотреть вашу собственную жизнь. Многократно, до конца вечности, с замедленными повторами самых стыдных минут. Исправить ничего нельзя, попросить нельзя; закрыть глаза тоже нельзя, только смотреть... Безъязыкий дух

в страдании. Но я в принципе договорился, и вашу сволочную жизнь вам покажут только один раз, причем самые противные минуты - на быстрой перемотке. Плюс к этому, по нашей дружбе, я попрошу, чтобы вам давали немного сна.

ПАШКИН. Зачем вы так сказали?

СТРОНЦИЛЛОВ. Как?

ПАШКИН. Про сволочную жизнь. У меня не сволочная жизнь... была.

СТРОНЦИЛЛОВ. А какая же, по-вашему?

ПАШКИН. По-разному было. Но хорошим человеком я тоже бывал.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вот интересно. Это когда же?

ПАШКИН *(подумав)*. В детстве.

СТРОНЦИЛЛОВ. Это когда кузнечикам лапки отрывали?

ПАШКИН. Нет. Когда отрывал лапки, я был дурак любознательный. А вот когда мама болела, я посуду мыл. Правда-правда. Мыл посуду и в магазин ходил. Жалко ее было.

СТРОНЦИЛЛОВ. Всё?

ПАШКИН. Нет. Еще за сестру в глаз дал однажды... одному. И другому дал. А еще - когда любил, был ничего себе... дурной. Сам удивлялся.

СТРОНЦИЛЛОВ. Жену любил?

ПАШКИН. Нет, какую жену... Нет, жену тоже любил, но как-то уже... А вот на «картошке» была одна девочка...

СТРОНЦИЛЛОВ. *(смотрит в папку)*. Брагина Ольга?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Была, действительно. Что же вы на ней не женились?

ПАШКИН. Не знаю. *(Подумав)*. Дурак!

СТРОНЦИЛЛОВ. Дурак. *(Заглядывает в бумаги, удивленно)*. Любила она вас за что-то!

ПАШКИН. А можно мне будет ту «картошку» – без перемотки посмотреть? Все, как было. С повторами...

СТРОНЦИЛЛОВ. Я попрошу.

ПАШКИН. Только с повторами, ладно?

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич! Просмотр дней, проведенных вами совместно с Брагиной Ольгой Владимировной, обещаю регулярный, в режиме реального времени, с многократными повторами.

ПАШКИН. До конца вечности?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не меньше.

ПАШКИН. Эх! Ну, тогда... *(наливает)* можно - и файлом...

Пьет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вы субъект... Вы даже не представляете, какой вы субъект.

ПАШКИН. Ну, почему? Представляю.

СТРОНЦИЛЛОВ. А вот и нет. Вы - субъект договора...

ПАШКИН. Какого договора?

СТРОНЦИЛЛОВ. Сейчас узнаете. Потому что он - уже в подъезде.

ПАШКИН. Кто в подъезде?

Стронциллов не отвечает, и через несколько секунд раздается звонок в дверь.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вы что, не слышите? Звонят.

ПАШКИН. Кто это?

СТРОНЦИЛЛОВ. А вы откройте дверь, Иван Андреевич, и увидите.

ПАШКИН. Это – за мной?

СТРОНЦИЛЛОВ. Еще нет. Не заставляйте меня вставать.

ПАШКИН. Да-да. Сейчас.

Открывает дверь. На пороге стоит Мужчина.

МУЖЧИНА. Доброй ночи!

СТРОНЦИЛЛОВ. Вы пунктуальны.

МУЖЧИНА. Это моя работа.

СТРОНЦИЛЛОВ. Знакомьтесь: Пашкин Иван Андреевич. А это...

МУЖЧИНА. Нотариус. Просто – нотариус.

СТРОНЦИЛЛОВ. Да. Мне говорили, что вы застенчивый. Документы готовы?

НОТАРИУС. Бумажка к бумажке.

ПАШКИН. Что это?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это, Иван Андреевич, ваше завещание.

ПАШКИН. Нет! Пожалуйста!..

СТРОНЦИЛЛОВ. Да что ж такое! Полночи уже работаем, пора как-то адаптироваться. Что, в самом деле, за детский сад?

ПАШКИН. Я не хочу завещание! Не хочу!

НОТАРИУС. Кончай базар, сука.

Пауза.

СТРОНЦИЛЛОВ. Видите, Иван Андреевич, что бывает. И, заметьте себе – не в аду, а на Земле, в процессе первоначального накопления капитала... Читайте!

ПАШКИН. Я... Я не понимаю. Я не вижу... буквы прыгают.

СТРОНЦИЛЛОВ. Хорошо, можете не читать. Просто подпишите.

ПАШКИН. Да как же? Я не понимаю.

СТРОНЦИЛЛОВ. Понимать тут ничего не надо. А просто - вы завещаете мне принадлежащую вам недвижимость, как-то: жилую площадь по адресу - Пятая Прядильная улица, дом три, квартира сорок, со всей обстановкой; земельный участок с домом в поселке Фирсановка по Октябрьской железной дороге...

ПАШКИН. Откуда вы знаете? Ах, да. А зачем вам – недвижимость?

СТРОНЦИЛЛОВ. Вам она уж точно не понадобится: к утру вы будете недвижимостью сами. Хватит болтовни! Вы – подписываете там, где галочка. Быстро и молча. Затем сюда прибывает ликвидатор, и вы уходите из жизни - по возможности легким способом. Вашим посмертным устройством занимаюсь лично я. Райских куш не обещаю, но вполне терпимые условия обеспечить берусь. Прошу!

ПАШКИН. Но...

СТРОНЦИЛЛОВ. Вам хотелось бы гарантий?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Их нет. Только мое слово. Им же уверяю вас, что без моей протекции вашей душой распорядятся по справедливости, то есть очень худо – и остаток вечности вы проведете в сильном дискомфорте. Частично – в компании этого господина.

ПАШКИН. Это – ?..

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич, честное слово, вы меня уморите... Никакой инфернальщины, нотариус здешний. И еще немало разных документов оформит в полном соответствии с законом. У него все впереди.

НОТАРИУС. Давайте перейдем к делу.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ваше дело, милейший, не говорить лишнего. Можете приступать.

НОТАРИУС. Все уже готово, и я здесь. Но - мне бы тоже хотелось гарантий.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вопрос оплаты с вами должны были обговорить.

НОТАРИУС. Его и обговорили. Но, видите ли, деньги – такая тонкая материя...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ничего тонкого в этой материи нет. Вам нужен задаток?

НОТАРИУС. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ (*Пашкину*). Иван Андреевич, не в службу, а в дружбу: откройте, пожалуйста, левую дверцу серванта; там у вас в пододеяльниках спрятана пачка долларов США. Отсчитайте скорее, ну, скажем, три тысячи - и отдайте нашему новому другу.

ПАШКИН. Это мои деньги!

СТРОНЦИЛЛОВ. Не будем начинать этот разговор сначала, я устал.

ПАШКИН. Это преступление.

СТРОНЦИЛЛОВ. Правда?

НОТАРИУС. Я сам.

Идет к серванту. Пашкин вскакивает, чтобы преградить ему дорогу – и бессильно опускается на стул.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вам будет трудно, Иван Андреевич, если вы надо как можно скорее не свыкнетесь с мыслью о неизбежном.

НОТАРИУС (*уже у серванта*). Есть!

СТРОНЦИЛЛОВ. Возьмите три тысячи.

НОТАРИУС. Понял. (*Начинает отсчитывать деньги*).

ПАШКИН. Что происходит?

СТРОНЦИЛЛОВ. У нас будет время удовлетворить ваше любопытство. (*Не оборачиваясь*). Вы захватили пару лишних бумажек, г-н нотариус.

НОТАРИУС. Не может быть. Ах, да. Вот, тридцать листов, президент к президенту, можете пересчитать.

СТРОНЦИЛЛОВ. Мне пересчитывать не надо.

НОТАРИУС. Я готов.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну что, Иван Андреевич? Пора.

Пашкин не шевелится.

НОТАРИУС. Дядя! Завещание подписывать будем? (*Стронцилову*). Его вдохновить?

СТРОНЦИЛЛОВ. Тщ-щ... Ну, что вы. Дело добровольное.

НОТАРИУС. У меня мало времени.

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич, мы задерживаем человека.

ПАШКИН. Зачем вам моя квартира?

СТРОНЦИЛЛОВ. Какая вам разница?

НОТАРИУС. Эй! Покойник! Автограф давай.

ПАШКИН. У меня ручки нет.

НОТАРИУС. Прошу! (*Пашкин медлит*). Где галочка. Здесь и здесь.

Пашкин ставит подпись.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вот и слава Богу.

Конец первого акта.

Второй акт.

Та же квартира, пару часов спустя. Стронциллов дремлет в кресле; Пашкин неподвижно сидит у стола, глядя в одну точку. На столе – следы застолья. За окном начинает звучать сигнализация. Стронциллов просыпается.

СТРОНЦИЛЛОВ. Из сто тридцать пятой, «жигули»?

Пашкин кивает.

СТРОНЦИЛЛОВ (*послушав еще*). Вот же, действительно, гад. (*Пауза*).

ПАШКИН. Когда он придет?

СТРОНЦИЛЛОВ. Кто? А-а... На рассвете. Да не бойтесь вы.

ПАШКИН. Расскажите мне еще...

СТРОНЦИЛЛОВ. Про то, что - за пределом?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. А надо? Успеете еще привыкнуть. Тем более, я же вам пообещал – крайностей с вами не случится. Ада не будет.

ПАШКИН. А что: ад – он какой?

СТРОНЦИЛЛОВ. Кому какой. Босха видели?

ПАШКИН. Кого?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ах, ну да. И слава богу, что не видели. Потому что нет этого ничего. Кипящей смолы, костров, чертей с вилами... То есть, есть, но это уже экзотика. Туристические туры для верующих, наглядная агитация... А вообще все гораздо интереснее.

ПАШКИН. Как?

СТРОНЦИЛЛОВ. Я же сказал: кому как. Шелупонь всякая и мучается по-мелкому, а для VIP-клиентов – отдельное обслуживание. Цезарь, например, в каморке маленькой обитает. Там и правит.

ПАШКИН. Кем?

СТРОНЦИЛЛОВ. В том-то и ад его, что - некем. Тараканами руководит. Испанский король Филипп, напротив, во дворце, но пятый век в дыму. Астма у него чудовищная, а дым все валит из-под обоев. И поверите ли: пока все костры, на которых протестантов жарили, по очереди не прогорят, дым не пройдет.

ПАШКИН. Ох, ты!

СТРОНЦИЛЛОВ. А вы как думали? Каждому - свое. Мессалина живет в строгом воздержании, Геббельс - среди евреев. Представляете? Геббельс, а вокруг – свитки Торы, семисвечники, пейсы, маца...

ПАШКИН. Мучается?

СТРОНЦИЛЛОВ. Геббельс-то? Пол грызет.

ПАШКИН. А евреи?

СТРОНЦИЛЛОВ. А они его не видят и не помнят его. Они – в раю.

ПАШКИН. А чего это у вас евреи – в раю?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не беспокойтесь, не все. Только те, у которых ад был при жизни...

ПАШКИН. А нотариус? Ваш нотариус – с ним что будет?

СТРОНЦИЛЛОВ. Во-первых, нотариус этот - не мой, а по большому счету – ваш... А будет он, я полагаю, пересчитывать деньги. Много денег, мелочью, все время. А время там не кончается. Уставать будет сильно, но сна не наступит. За этим последят.

ПАШКИН. Кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. А вот кто сейчас его курирует, тот и потом последит.

ПАШКИН. Поделом гаду.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не стоит злорадствовать. У каждого свой скелет в чулане.

ПАШКИН. У меня нет скелета. У меня и чулана нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Я, Пашкин, про человеческие пороки говорю.

ПАШКИН. А-а. Человеческие пороки у меня есть.

СТРОНЦИЛЛОВ. У всех есть. Хотя, конечно, нотариус - особая статья. Он как раз по завещаниям специализируется... Мне его в аренду дали.

ПАШКИН. Кто дал?

СТРОНЦИЛЛОВ. Какой вы, Иван Андреевич, любознательный! «Кто дал»... Кто надо, тот и дал! И не надо так на меня смотреть - что вы, как маленький, честное слово! Да, мы все в контакте - по вертикали, до самого что ни на есть низу. Этажи разные – система одна.

ПАШКИН. То есть, Сатана - ?..

СТРОНЦИЛЛОВ. Разумеется. Посол Бога по особым поручениям. *(У Стронциллова звонит мобильный)*. Пардон. *(Всовывает в ухо наушник и нажимает кнопку)*. Алло! «Семнадцатый» на проводе. Да, Пашкина - подтверждаю. Оформляемся помаленьку. *(Пашкину)*. Вы никуда не торопитесь?

ПАШКИН. Нет!

СТРОНЦИЛЛОВ. Тогда еще посидим. *(В микрофон)*. К пяти утра прилетайте. *(Дает отбой)*.

ПАШКИН. Это - ?

СТРОНЦИЛЛОВ. Он самый, ангел-ликвидатор. Да не бойтесь вы! Я должен бояться, а не вы.

ПАШКИН. Чего вам бояться?

СТРОНЦИЛЛОВ. Еще не знаю. По обстоятельствам.

ПАШКИН. По каким обстоятельствам? *(Пауза)*. Что у вас за обстоятельства? Зачем вам моя квартира?

СТРОНЦИЛЛОВ. Слишком много вопросов. Даже не знаю, с какого начать.

ПАШКИН. Кто вы?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это, Иван Андреевич, самый трудный вопрос. Спросили бы вы меня чего полегче.

Включает радио, шарит по эфиру. Звучит обрывочная околесица.

СТРОНЦИЛЛОВ. Никогда не понимал, как это устроено.

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вот, я верчу колесико, а оттуда откуда-то – слова, музыка... У нас там этого никто не понимает...

Замолкает, продолжая шарить по эфиру. Пашкин неотрывно смотрит на Стронциллова.

СТРОНЦИЛЛОВ (*выключая радио*). Ну, хорошо, если вы настаиваете на ответе... В настоящий момент, официально, я – падший ангел. Слышали про такое?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Что слышали?

ПАШКИН. Ну... Так, вообще.

СТРОНЦИЛЛОВ. Понятно. Ничего не слышали. Тоже хорошо. Потому что все обстоит не вполне так, как описано в художественной литературе. Я, например, не бунтовал против Господа, а пытался исправить положение в рамках существующей системы мироздания.

ПАШКИН. Типа перестройка?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, примерно.

ПАШКИН. И что?

СТРОНЦИЛЛОВ. А вот что видите. Низвергнут на Землю на общих основаниях. (*Усмехается*). Решаю жилищный вопрос.

Пауза.

ПАШКИН. То есть, вы теперь как бы человек?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не как бы, а человек. Сдам вас с рук на руки, закрою ведомость – и всё. Конец ангельской жизни. Линию отключат, дар провидения отнимут - и вперед!

ПАШКИН. А жилищный вопрос вы уже решили.

СТРОНЦИЛЛОВ. Интересно! А что мне было делать? Бомжевать в троллейбусной остановке? Вам бы хотелось жить в троллейбусной остановке, зимой?

ПАШКИН. Нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вот и мне не захотелось.

ПАШКИН. Зимой, конечно, лучше жить здесь... А летом – на даче в Фирсановке...

СТРОНЦИЛЛОВ. Так получилось.

Наливает в два стакана, и один протягивает Пашкину. Тот стакана не берет.

ПАШКИН. Значит, не компьютер...

СТРОНЦИЛЛОВ. Что? А-а. Ну, не компьютер.

ПАШКИН. Значит, это вы меня выбрали...

СТРОНЦИЛЛОВ. Началось.

ПАШКИН. Вы...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, я.

ПАШКИН. Дачу я бы вам и так отдал. Она теплая...

СТРОНЦИЛЛОВ. Хватит про это, Пашкин! Сколько можно! Забудьте. У вас впереди – вечность. И, благодаря мне, не в самых плохих условиях содержания.

ПАШКИН. Мне хотелось еще – здесь...

СТРОНЦИЛЛОВ. С этим – всё! Здесь буду я! Пейте.

ПАШКИН. Не хочу.

СТРОНЦИЛЛОВ. Хозяин – барин.

Выпивает свой стакан.

ПАШКИН. Только – насчет картошки - прямо сейчас попросите, а то... Вы сказали: вам линию отключат... *(Пауза)*. Нет, вы не думайте – мне вас тоже жалко...

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич! Насчет Брагиной – всё под контролем, а вот жалеть меня - не надо. У меня большие планы на жизнь. *(Беря бутылку)*. Еще?

ПАШКИН. Давайте.

СТРОНЦИЛЛОВ. На «ты»?

ПАШКИН. На «ты».

Выпивают и целуются.

ПАШКИН. А как тебя звать-то?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это неважно. Так вот, Ваня, на Земле я намереваюсь жить вполне благополучно. Хотя недолго.

ПАШКИН. Почему недолго?

СТРОНЦИЛЛОВ. А что я тут забыл?

ПАШКИН *(тихо)*. Самоубийство?..

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, уж нет. Как-нибудь по-другому организуем мое возвращение на небеса – не переживай. Вернусь из этого штрафбата чистый, как капля божьей росы. Есть наметки. А пока - работать, работать и работать!

ПАШКИН. Хочешь, я тебя на фирму устрою, на свое место? Я утром позвоню, договорюсь...

СТРОНЦИЛЛОВ. Не стоит трудов. У меня всё придумано. Пойду в Храм всех святых на Гребешках, церковным нищим. Я уже и местечко на паперти присмотрел. Работа - день через два; от паствы – подаяние, от отцов – гонорар.

ПАШКИН. За что - гонорар?

СТРОНЦИЛЛОВ. Я же уникальный специалист, Ваня! Там *(кивает наверх)* все входы-выходы знаю... Я уж мосты навел - буду инструктировать патриархат. Визы в рай, решение кадровых вопросов... Они меня на паперть на руках выносить будут. И на земную жизнь заработаю, и загробную обеспечу.

ПАШКИН. Два в одном, как шампунь.

СТРОНЦИЛЛОВ *(доливая в стаканы)*. Будет им шампунь. Они - там - меня еще узнают! Вернусь в высшие сферы весь в сиянии, вот увидишь.

ПАШКИН. Как же я увижу?

СТРОНЦИЛЛОВ. А я устрою. Как раз тебе кино про кузнечиков показывать перестанут. И вообще: договоримся... Тебе амнистию сделаем, а себе я статус мученика организую. И с башкой светящейся - прямо к престолу Божию! Там с ними и поговорим.

ПАШКИН. С кем?

СТРОНЦИЛЛОВ. Мне - есть с кем!

ПАШКИН. Ну, ты силен...

СТРОНЦИЛЛОВ. У нас на небесах слабые не выживают.

ПАШКИН. У нас на Земле – тоже.

СТРОНЦИЛЛОВ. А для начала я здесь порядок и наведу. Временный хотя бы, в отдельно взятом районе. Почистить следует крепко, ты прав, дряни всякой развелось... Я и бумажки захватил.

ПАШКИН. Какие бумажки?

СТРОНЦИЛЛОВ. Какие надо. Ап! (Достает из портфеля пачку каких-то ордеров). На убытие. С печатями... Только фамилию вписать, и готово дело.

ПАШКИН. Это - ?..

СТРОНЦИЛЛОВ. Это, Ваня, социальная гигиена. Расчистка жизненного пространства. Ну что, кутнем напоследок? Как соседа фамилия?

ПАШКИН. Не помню.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ты записывал.

ПАШКИН. Куда-то делась бумажка...

СТРОНЦИЛЛОВ. Найди бумажку, Ваня, найди. Это животное не заслуживает жизни. Тетку родную выселил в Мытищи! Ищи бумажку, сейчас мы его оприходуем. А потом и тетку.

ПАШКИН. Да Бог с ними...

СТРОНЦИЛЛОВ. Нет никакого Бога, Пашкин! Или все равно что нету. Самим надо, самим... Ищи бумажку!

ПАШКИН. Не знаю я, где она... Да хрен с ним, пускай живет.

СТРОНЦИЛЛОВ. А обо мне ты подумал? Он буйнит, а мне теперь по ночам не спать? Да, и этого бы еще не забыть, с сигнализацией... Из какой квартиры «жигули»?

ПАШКИН. Э-э-э...

СТРОНЦИЛЛОВ. Нехорошо придуриваться, Ваня... Из сто тридцать пятой он. Фамилию - завтра в ДЭЗе узнаю, а насчет соседа – не будем откладывать. Дай-ка я поищу листочек... (Роется на столе). Насвинячил ты, как боров. Как с тобой жена целых пять лет жила? Ага, вот! Ну, у тебя и почерк.

Пашкин осторожно заходит сзади, берет с кухонного стола нож и несколько секунд стоит в размышлении. Потом кладет нож и берет с плиты сковородку. Стронциллов не видит этих манипуляций, увлеченный заполнением карточки.

СТРОНЦИЛЛОВ. Соловьев его фамилия. (Вписывает в бланк). Соловьев Анатолий Петрович! Завтра же и приберем, вместе с автовладельцем. Будут знать. И насчет старух бы не забыть - прав ты был насчет старперок этих, сколько можно кислород переводить? Ладно... Значит, Соловьев. Годы жизни: тысяча девятьсот шестьдесят восьмой – две тысячи первый; ну и достаточно, да, Вань?

Пашкин с размаху бьет Стронциллова сковородкой по голове, и тот сползает на пол. Пауза.

ПАШКИН. Ой, бя. Ну, теперь мне точно шандец.

Продолжая бормотать и тихо вскрикивать, Пашкин судорожно роется в ящиках кухонного стола, бежит в ванную, возвращается за ножом, снова бежит в ванную, возвращается с веревкой и начинает связывать Стронциллова. У того вдруг начинает звонить мобильный. Пашкин еще довязывает узел, когда связь включается автоматически, через наушник.

ГОЛОС. «Семнадцатый», ответьте «Воздуху».

Пашкин берет телефон, всовывает в ухо наушник, прокашливается и пытается говорить голосом Стронциллова.

ПАШКИН. Алло. Я «семнадцатый».

ГОЛОС. У вас все штатно?

ПАШКИН. Да.

Стронциллов стонет и открывает глаза.

ГОЛОС. Объект готов?

ПАШКИН. Готов.

ГОЛОС. Я на подлете, буду в расчетное время.

ПАШКИН. В пять утра?

ГОЛОС. Как договаривались.

ПАШКИН. Жду.

Щелкает кнопкой - и размашисто крестится всей пятерней.

СТРОНЦИЛЛОВ (*стонет*). Три пальца должно быть, три! В крайнем случае - два. А ты всей жменей, идиот...

ПАШКИН. Много - не мало. Лежать. Так! Что я хотел? Да!

Наливает водки, выпивает.

СТРОНЦИЛЛОВ. Зачем ты меня ударил, Ваня?

ПАШКИН. Лежи тихо.

Рвет на мелкие клочки ордера.

ПАШКИН. Ишь, разгулялся... Толик ему мешает... «Жигули» со старушками...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ваня, ты debil.

ПАШКИН. Неправда. Во-первых, я не debil, а во-вторых – не Ваня.

СТРОНЦИЛЛОВ. А кто?

ПАШКИН (*надевая плащ и шляпу Стронциллов*). Конь в пальто! Узнаешь?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ваня! Прекрати хулиганить.

ПАШКИН (*прицепляя телефонную гарнитуру*). Ваня теперь ты. Извини, так получилось. (*Открывает папку*). Ваня – а правильнее сказать: Пашкин Иван Андреевич. Родились в Москве, 6 мая 1954 года... Хороший был денек, говорят. Так, годы жизни... - годы жизни указаны правильно. Прекрасное досье у вас, всё так подробно записано...

СТРОНЦИЛЛОВ. Который час?

ПАШКИН. Правильный вопрос. Половина пятого. Полчаса осталось.

СТРОНЦИЛЛОВ. Развяжи меня. Пожалуйста. Я...

ПАШКИН. Лежите тихо, Иван Андреевич.

СТРОНЦИЛЛОВ. Мне больно... Мне плохо.

ПАШКИН. Кому сейчас хорошо.

СТРОНЦИЛЛОВ. Это же глупо! Тебя же все равно найдут. Обязательно найдут. Но уж тогда - ад по полной программе, из Босха.

ПАШКИН. Я людей не убивал, за что мне ад? А Босха никакого не было, ты сам сказал. А будешь мне грозить – ёбну еще раз по балде сковородкой, и всё. *(Подумав)*. А рот я тебе сейчас скотчем заклею, чтобы ты лишнего не вякал. *(Уходит в прихожую)*.

СТРОНЦИЛЛОВ *(кричит вслед)*. Тарантино вы тут насмотрелись! Ты еще бензином меня облей! *(Пашкин не отвечает)*. И раньше дураковатый был, а под утро совсем тупой стал! Ты что, не понял, что я бессмертный?

ПАШКИН *(возвращаясь со скотчем)*. Бессмертный ты временно. А дальше – сам сказал – на общих основаниях... Говорил? Что притих? Когда у тебя связь-то отрубается? С минуты на минуту. И станешь ты человеком. Ненадолго, минут на десять. А потом - извини...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ты не сделаешь этого.

ПАШКИН. Я и не сделаю. Специальная тварь прилетит через полчаса.

СТРОНЦИЛЛОВ. Все равно: убийца - ты. По всем законам выходит, что ты. И будет с тобой, как с убийцей. С котлами, со смолой кипящей, с...

Но договорить не успевает: Пашкин начинает заматывать ему рот скотчем, приговаривая...

ПАШКИН. Я, значит, убийца. А он, значит, ангел! Полный портфель говна с печатями приготовил. Пространство расчищать прилетел, сука! Что ты мычишь? Сказать хочешь? Так уже сказал. Наговорил умностей, теперь помолчи. *(Завершив заклею)*. Теперь я рассказываю. Значит, так: вы, Иван Андреевич, пытались оказать сопротивление. Не захотели смириться. Пришлось склеивать вас подручными средствами... *(Стронциллов мычит что-то сквозь скотч)*. А-а, страшно умирать? Страшно? *(Стронциллов мычит)*. А как насчет смирения? Нету? Плохо, Иван Андреевич! Если вы как можно скорее не свыкнетесь с мыслью о неизбежном, вам будет трудно. *(Стронциллов мычит)*. Вам все равно будет трудно, но если вы не перестанете выть... - я тебя всё-таки сковородкой еще раз ёбну, ангел мой... И попадешь ты в ад, в самый натуральный ад, а я еще расскажу, как ты квартирами запасался и смертные квитанции с неба тырил; вот будет потеха, вот тебя встретят, как родного! Да? Хорошо тебе будет? Эй... Ты чего?

Стронциллов лежит обмякший, с закрытыми глазами.

ПАШКИН. Опа! Чувствительные какие пошли ангелы. Э! Цирк тебе тут, что ли? Не надо своим ребятам... *(Заглядывает в зрачки)*. И правда, отрубился. Еще мне не хватало, чтобы он коней тут бросил. Эй! Ты погоди, ты куда синим становишься? Ты что, человеком стал - и сразу дуба давать? *(Всмотревшись)*. Ой, это я ему нос скотчем замотал.

Отдирает скотч с лица. Стронциллов судорожно вздыхает, но остается лежать неподвижно. Пашкин, взвизгнув, бросается к телефонной трубке, и набирает две цифры.

ПАШКИН. «Скорая»? «Скорая», скорее!.. Пашкин я, Иван Андреевич... Пациента? Тоже Пашкин Иван Андреевич. Кто пьяный? - мы однофамильцы!.. Лет? - на вид примерно сорок, а так не знаю... Зачем вам точно, какая вам разница?.. У кого спросить? - он без сознания лежит. Очнется – сразу спрошу про возраст... Понятия не имею, что с ним! Задохнулся. Воздух сквозь скотч не

проходил. Пятая Прядильная, три, квартира сорок... Корпуса нет, подъезд второй, этаж - шестой. Код: два – четыре – шесть, тремя пальцами сразу!

В изумлении смотрит на три своих растопыренных пальца, крестится, кладет трубку и садится в изнеможении.

ПАШКИН. Так. Эти едут, тот летит... Сейчас тут народу будет... (Стронцилову). Кто первый успеет, тот тобой и займется. Извини.

Стронцилов лежит неподвижно. Пашкин разрезает на нем веревки – и выбрасывает их вместе со смятым скотчем. Садится, закуривает. Слышно тиканье часов. Включает радио. Шуршит по эфиру. Джазовая кода сменяется мужским голосом.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Каунт Бейси играл для тех, кто не спит в эту ночь. Без четверти пять в Москве. Скоро утро, а у нас – звонок. Алло! Вы в эфире!..

Пашкин сидит, глядя на часы. Их тиканье становится все громче; потом снова на первый план выходит радио.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. ...в этот поздний – хотя почему поздний? - в этот уже ранний час, специально для Юли из Москвы, звучит композиция Эллы Фицджеральд «Спецавиапочта».

Снова джаз. Потом опять становится слышно тиканье часов. Последняя пронзительная нота композиции, секунда тишины и - звонок в дверь.

МУЖСКОЙ ГОЛОС (по радио). Пять утра в Москве.

Пашкин выключает радио, тушит сигарету. Сидит несколько секунд. Повторный звонок в дверь. Пашкин начинает креститься, смотрит на пальцы, подумав, убирает лишние - и кладет правильный крест. Открывает дверь. На пороге стоит мужчина огромного роста.

ПАШКИН (после паузы). «Воздух», я – «семнадцатый».

МУЖЧИНА. Допустим. Вы «Скорую» вызывали?

ПАШКИН. Да! (Освобождая проход в квартиру, показывает на лежащего). Вот.

Врач проходит, за ним проходит стоявший за дверью санитар. И они тут же начинают колдовать над телом.

ВРАЧ. Нашатырь! Окно откройте, настезь!

Пашкин открывает окно. Санитар дает Стронцилову понюхать ватку, тот дергает головой.

ВРАЧ. Давно без сознания?

ПАШКИН. Минут пятнадцать.

ВРАЧ. Молодцы! (Санитару). Строфантин, быстро. (Осматривая пейзаж). Что пили?

ПАШКИН. Коньяк. Шампанское.

ВРАЧ. Вижу. Кроме этого, ничего не пили? Антифриз, лаки?

ПАШКИН. Нет.

ВРАЧ. Так держать.

Делают Стронциллову укол в вену.

ПАШКИН. Что с ним?

САНИТАР. Гипоксия.

ПАШКИН. Понял. *(Пауза)*. Он не умрет?

САНИТАР. Как не умрет? Умрет, разумеется. Но не сегодня.

Хлопочут над телом. Раздается звонок в дверь.

ВРАЧ. Вы сколько бригад вызвали?

ПАШКИН. Я – одну.

Аккуратнейшим образом правильно крестится - и снова открывает дверь. На пороге стоит Ликвидатор. Пожилое, тихое существо.

ЛИКВИДАТОР. Простите за задержку: склероз! Вместо Пятой Прядильной, три – прилетел на Третью Прядильную, пять, представляете? Тетку какую-то чуть кондратий не хватил. Я что, такой страшный?

ПАШКИН. Честно? Мне - очень страшно.

ЛИКВИДАТОР. «Семнадцатый», меня предупреждали, что ты приколист. Где объект?

ПАШКИН. А вон.

Ликвидатор проходит в кухню, где приходящему в себя Стронциллову меряют давление врачи – и останавливается в шоке.

ЛИКВИДАТОР. Это что за балаган?

ПАШКИН *(разводит руками)*. «Скорая помощь».

ЛИКВИДАТОР. Вижу. А зачем?

ПАШКИН. Не знаю. Приехали...

ЛИКВИДАТОР. Кто вызвал?

ПАШКИН. Понятия не имею. Поверите: только что – звонок в дверь – я думал: вы – открываю...

ЛИКВИДАТОР. Кто вызвал реанимацию, «семнадцатый»?

ПАШКИН. Я сам в недоумении. Честное слово. Вот вам крест святой! *(Правильно крестится)*.

ЛИКВИДАТОР. Я вам что, мальчик, летать туда-сюда?

ПАШКИН. Извините.

ВРАЧ. Это третий ваш вернулся? За добавкой ходил?

ЛИКВИДАТОР. Кто третий?

ВРАЧ. Так! Собутельники, отойдите от товарища! Ему воздух нужен.

Стронциллов открывает глаза.

САНИТАР *(врачу)*. Кириллыч! Вроде он оклемался.

ПАШКИН. Ваня! Живой! Ну, ты нас напугал.

ЛИКВИДАТОР. Добрый вечер, Пашкин Иван Андреевич.

Стронцилов вскрикивает и снова теряет сознание.

ВРАЧ. Черт! Нашатырь! Строфантин!

Начинают хлопотать над Стронциловым по второму кругу.

ЛИКВИДАТОР (*посмотрев немного*). Угу. Ну, ребята, я вижу, квалифицированные... Ждать не имеет смысла.

САНИТАР. Вы что, по-русски не понимаете? Уйдите отсюда все!

ЛИКВИДАТОР. Да. Я, пожалуй, пойду.

ПАШКИН (*провожая*). Извините, так неловко получилось... Я думал: вы – открываю - ...

ЛИКВИДАТОР. Реаниматоры – бич Божий. Лезут во все щели, не дают работать... (*Уже в дверях*). Но докладную я все-таки напишу.

ПАШКИН. А что я? Вы же, извините, опоздали. А эти звонят ровно в пять. Я думал: вы – открываю...

ЛИКВИДАТОР. Я старый ангел, у меня четвертый вызов за ночь, я имею право один раз перепутать адрес! И вообще, я устал. Освещения на улицах нет, номеров на домах нет... Вселенная расширяется все время куда-то... Вы не знаете, когда прекратится этот бардак?

ПАШКИН (*радостно*). В России – никогда!

ЛИКВИДАТОР. Завтра же попрошусь на пенсию. Вот где мне это всё! (*Стучит ладонью по горлу*). Прощайте, голубчик. (*Уходит*).

Пашкин закрывает за Ликвидатором дверь и аккуратно осеняет себя крестом. Стронцилов стонет и приходит в себя.

ВРАЧ (*Стронцилову*). Как самочувствие, товарищ?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ничего. (*Осторожно вертит головой*).

ПАШКИН. Он ушел. Его тут нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Правда?

Начинает рыдать в рукав реаниматора.

ВРАЧ (*Пашкину*). Так. Ему сегодня пить больше нельзя. И завтра не надо. В постельку – и лежать. (*Начинает выписывать рецепты*). Утром сходите в аптеку: кордиамин, валидол... Валериановых капель купите... Жена есть?

ПАШКИН. У кого?

ВРАЧ. У него.

ПАШКИН. Нет. И у меня нет.

ВРАЧ. Тогда сходите сами. А потом - ко врачу, и лучше – оба. Пора следить за организмом, уже не мальчики. Позвонить от вас можно?

ПАШКИН. Да. (*Протягивает трубку*).

ВРАЧ (*набрав номер*). Надя? Матвеев. Я с Пятой Прядильной, тут все нормально, что дальше? Записываю.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ты их вызвал?

ПАШКИН (*ядовито*). Нет! Проезжали мимо, зашли на тебя посмотреть.

ВРАЧ (*в трубку*). А что там? (*Пауза*). Понял, едем. (*Кладет трубку. Пашкину*). Водички дадите?

ПАШКИН. Может - ?..

ВРАЧ. Не, воды.

САНИТАР. Замотались немного. Четвертый вызов за ночь.

ВРАЧ (Стронцилову). Ну, счастливо оставаться.

СТРОНЦИЛЛОВ. Как вас зовут?

ВРАЧ. Пожаловаться хотите?

СТРОНЦИЛЛОВ. В судьбе поучаствовать.

ВРАЧ. Спасибо. Но, в общем, я лучше - сам...

САНИТАР. Его зовут - доктор Матвеев. Алексей Кириллович.

ВРАЧ. Будем знакомы. (Стронцилову). А вы?..

ПАШКИН. Его зовут - Иван Андреевич.

ВРАЧ. А вас?

ПАШКИН. И меня Иван Андреевич.

ВРАЧ (после паузы). Не пейте сегодня больше, мужики. Сделайте антракт.

Привет!

Уходит вместе с санитаром. За окнами уже светлеет.

ПАШКИН. С добрым утром.

СТРОНЦИЛЛОВ. Здорово.

ПАШКИН. Какие планы на жизнь?

СТРОНЦИЛЛОВ. Уже не знаю. Вообще-то я планировал пойти в милицию, отдать документы на прописку...

ПАШКИН. В аптеку за валерьянкой иди!

СТРОНЦИЛЛОВ. А потом?

ПАШКИН. Потом – сюда. В троллейбусной остановке не останешься, что-нибудь придумаем. Но завещание я все-таки перепишу, а то ты грохнешь меня, по старой дружбе, где-нибудь в подъезде.

СТРОНЦИЛЛОВ. С завещанием, действительно, смешно получилось.

ПАШКИН. Угу. Я чуть не умер, со смеху.

СТРОНЦИЛЛОВ. Зря человека подняли ночью...

ПАШКИН. Кстати, с тебя три штуки баксов.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не стыдно у бомжа просить?

ПАШКИН. Нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Тогда отдам. Посижу немного у церкви – и отдам. Рассола не найдется?

ПАШКИН (открывая холодильник). Похмеляться надо кефиром!

СТРОНЦИЛЛОВ. Да?

ПАШКИН. Я тебе говорю. (Наливает в чашки кефир). Будь здоров.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ты тоже не болей. А насчет нотариуса – ты не думай, он свое получит.

ПАШКИН. Типа божий суд?

СТРОНЦИЛЛОВ. Типа того.

ПАШКИН. Долго ждать?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не знаю. Он не из моего сектора. Попробовать ускорить?

ПАШКИН. Не, пускай живет. С нотариусом мы обойдемся по-человечески.

СТРОНЦИЛЛОВ. Это как?

ПАШКИН. А найдем – и отметелим ногами. Он бабки в зубах принесет и обратно в пододеяльник положит.

СТРОНЦИЛЛОВ. Слушай, а чего ты деньги в пододеяльнике держишь?

ПАШКИН. А где их держать?

СТРОНЦИЛЛОВ. В банке каком-нибудь. (Пауза).

ПАШКИН. Пей кефир, лечи голову.

СТРОНЦИЛЛОВ. Я умоюсь?

ПАШКИН. Валяй.

Стронциллов уходит в ванную. Слышен звук льющейся воды.

СТРОНЦИЛЛОВ. А вот ты говорил: дачу бы мне отдал...

ПАШКИН. Не помню.

СТРОНЦИЛЛОВ. Говорил, говорил...

ПАШКИН. Мало ли что. Ты говорил: ты Бога видел.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, видел один раз...

ПАШКИН. Не свисти.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, не самого Бога. Но первых заместителей - видел. Я им говорю: мне к Самому надо, у меня план спасения Вселенной, а они... А! *(Звук льющейся воды)*.

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ *(выходит с полотенцем)*. Ничего! Записали меня на прием, на двадцать третий век. Ну, не козлы? Мне крышу снесло, я и сказал всё, что думал, про всю их небесную канцелярию. Ну и вот...

ПАШКИН. Ты забудь про это, а то в дурку попадешь. Лучше - оклемайся немного, а потом я тебя пристрою к нам на фирму.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не, я в церковь, по профилю.

ПАШКИН. Ну тебя на фиг с твоим профилем! Маньяк. Возьму тебя на фирму, будешь собачьей едой торговать, как порядочный. Снимешь квартиру, временную прописку сделаем. Паспорт-то у тебя есть?

СТРОНЦИЛЛОВ. Паспортом я запасся.

ПАШКИН. Вот! Будешь нормальным человеком. Человек... это, как его... - звучит гордо!

СТРОНЦИЛЛОВ *(всматриваясь в зеркало)*. А выглядит - отвратительно.

ПАШКИН. Не бздо, ангел! Мы тебя в порядок приведем. У меня сестра в Люберцах, у нее племянница по мужу - во такая девка! Мы тебя еще женим.

СТРОНЦИЛЛОВ. Нет; я ведь тут ненадолго, я ж говорил тебе...

ПАШКИН. Ты племянницу не видел. Тебе никакого неба не захочется. Чаю будешь?

СТРОНЦИЛЛОВ. Давай.

Пашкин наливает чаю. Стронциллов вертит ручку приемника, и в эфир всплывает Армстронг - «What a wonderful world». Дальнейший диалог, до самого конца - идет под его голос.

СТРОНЦИЛЛОВ. О! Этого я знаю. Он у нас в рай поет каждую субботу.

ПАШКИН. Да? Слушай, а мне потом в рай - нельзя будет?

СТРОНЦИЛЛОВ. А ты умеешь так петь?

Пашкин хмыкает, потом начинает смеяться. За ним начинает смеяться Стронциллов. Они хлопают друг друга по плечам и коленям и смеются. Потом Пашкин вдруг начинает плакать. Потом успокаивается понемногу.

ПАШКИН *(шмыгая носом)*. Лимонные дольки будешь?

СТРОНЦИЛЛОВ. Спасибо. *(Глядя в окно)*. Нет, вообще, при ближайшем рассмотрении, у вас тут - ничего...

ПАШКИН. У нас - замечательно! (Пауза). Жаль только, что недолго.

СТРОНЦИЛЛОВ. А ты не думай об этом. Живи, пока дают...

За окном начинает работать сигнализация. Секунд пятнадцать они молча слушают ее переливы, затем...

ПАШКИН. Нет, вот сукин сын, а?

СТРОНЦИЛЛОВ. Все-таки за это надо убивать.

ЛУИ АРМСТРОНГ (из радио, громко). О, yes!..

Конец.
